

Глубокая полночь окутала Поместье Цао, когда Цзя Сюй и Чжан Сю, совершив прощальный поклон перед хозяином, направились к выходу. Стоило Цзя Сюю занять место в экипаже, как он приоткрыл занавеску на окне и выглянул наружу. Его взгляд тут же столкнулся со взглядом Цао Пи — и то самое необъяснимое чувство холода, что преследовало его на пиру, нахлынуло с новой силой.

Цзя Сюй нахмурился и присмотрелся внимательнее. В чертах юноши теперь не читалось ни капли ненависти, лицо его казалось бесстрастным, а фениксовые глаза мерцали, точно холодные звёзды. Заметив, что гость наблюдает за ним, Цао Пи едва заметно улыбнулся и слегка склонил голову, более ничем не выдав своей ауры.

Карета медленно растворилась в ночной тишине. Цао Цао тяжело вздохнул:

— Возвращаемся. Вэньжо, Фэнсяо, уже поздно — оставайтесь сегодня в моих покоях.

— Слушаемся, — в один голос ответили советники.

Сделав несколько шагов, Сюнь Юй заметил, что Го Цзя замер на месте, всё ещё глядя в ту сторону, где исчез экипаж. Сюнь Юй обернулся и тихо окликнул его:

— Фэнсяо?

Тот скосил глаза и вполголоса ответил:

— Иди первым.

Проследив за его взглядом, Сюнь Юй увидел неподвижную фигуру Цао Пи. Понимающе кивнув, он шепнул:

— На улице мороз. Договаривай поскорее и заходи.

— Знаю, знаю, — Го Цзя склонился к самому уху Сюнь Юя и со смешинкой добавил: — Ступай и согрей мне постель.

Сюнь Юй посмотрел холодно, хотя на губах осталась вежливая улыбка. Он безжалостно наступил Го Цзя на носок сапога и, дождавшись, пока тот зашипит от боли, с чувством выполненного долга скрылся за воротами.

Глядя на край его одежд, исчезающий в дверях, Го Цзя хмыкнул про себя: «Ничего, ты у меня ещё пожалеешь об этом».

Он обернулся к Цао Пи, застывшему на ветру изваянием, и иронично приподнял бровь:

— Что же вы там высматриваете, второй молодой господин? Я вот гляжу-гляжу, а вижу только чернильную тьму.

Цао Пи даже не повернул головы.

— Разумеется, Цзицзю Го ничего не видит, — его голос прозвучал сухо. — К вам пришёл талантливый человек, и вы вместе с отцом так рады этому, что не замечаете очевидного.

Го Цзя подошёл ближе и, склонившись, заглянул юноше прямо в глаза.

— Неплохо. Скрываешь ты чувства мастерски, — он усмехнулся. — Но почему я всё же чую в воздухе горький привкус вражды?

Цао Пи не стал притворяться. Он посмотрел ледяным взглядом.

— И что с того?

Го Цзя выпрямился и безразлично пожал плечами:

— Да в общем-то ничего. Но гости уехали, на что же вы всё-таки смотрите?

Юноша медленно моргнул.

— Они уехали, но их лица навсегда застыли перед моими глазами. Я всматриваюсь в темноту, потому что боюсь уподобиться отцу. Боюсь забыть черты врага. Боюсь забыть своего старшего брата, который пал от их рук. Моего невинно убиенного брата.

Налетел резкий порыв ветра, заставив ленту в волосах Цао Пи описать в воздухе изящную дугу. Го Цзя, скрестив руки на груди, рассеянно поддел носком сапога мелкий камешек.

— Не от «их» рук. От «его».

Цао Пи непонимающе вскинул голову. Он сжал губы в тонкую линию, а мертвенно-бледная кожа в свете луны придавала лицу почти пугающую суровость.

Го Цзя, не глядя на него, обратил взор к ночному небу, где мерцали редкие звёзды.

— Скажите, Второй молодой господин, если человек убивает кого-то ножом, разве пристало

судить саму сталь? — не дождавшись ответа, он продолжил: — Конечно, люди — не вещи. Но если вы непременно хотите наказать этот клинок, не лучше ли вместо того, чтобы ломать его, забрать себе и обратить на службу? Как вы считаете?

Цао Пи долго смотрел на его профиль, и постепенно напряжение в его лице сменилось задумчивостью. Он почтительно поклонился:

— Благодарю за наставление, Цзицзю Го. Я всё понял.

Го Цзя едва заметно усмехнулся, потянулся всем телом и зашагал к дому.

— Пойдёмте уже. Спать охота смертно, нет у меня времени возиться с тобой, малец.

Цао Пи быстро последовал за ним, пряча в уголках губ едва уловимую улыбку.

Сюнь Юй, успевший выпить на пиру, прилёг на кровать и почти сразу начал проваливаться в сон. Го Цзя, умывшись в своих покоях, незаметно проскользнул в комнату друга. Почувствовав, как под одеяло пробрался кто-то, принеся с собой запах мороза, Сюнь Юй вздрогнул, и дремота мгновенно отступила.

— Фэнсяо, у тебя же есть своя комната.

Прижавшись к тёплому телу Сюнь Юя, Го Цзя притворно заканючил:

— Там ужасно холодно. Вэньжо, ну разреши мне остаться здесь.

— Ладно уж... — Сюнь Юй неохотно подвинулся. — Спи давай, я совсем без сил.

Получив дозволение, Го Цзя коварно улыбнулся и, ещё хранивший уличную прохладу, скользнул ладонью под одежду Сюнь Юя, коснувшись его талии.

— Тот пинок на крыльце был весьма болезненным, знаешь ли.

Поняв, к чему всё клонится, Сюнь Юй насторожился и попытался отодвинуться к стене.

— Сам виноват, нечего было вести себя так развязно. Получил — и забудь.

Заметив его неуверенность, Го Цзя тихо рассмеялся и навис над другом.

— Ноги Го Фэнсяо топтать безнаказанно нельзя. За такое полагается возмещение, — с этими словами он накрыл поцелуем губы, готовые возразить.

Понимая, что вырваться не удастся, Сюнь Юй сдался, позволяя ему брать то, что тот пожелает, и даже начал отвечать на ласку. Поцелуй стал глубоким, дыхание сбилось. Ладонь Го Цзя ловко развязала пояс, стремясь зайти дальше, но Сюнь Юй перехватил его руку и предостерегающе шепнул:

— Фэнсяо, мы в доме господина Цао. Если кто-то услышит...

Тот прикусил его мочку и негромко рассмеялся:

— Испугался? Если боишься, что нас обнаружат, просто старайся не шуметь.

— Ты!.. Нет,пусти меня, — в темноте Сюнь Юй не видел лица друга, но чувствовал его напор.

— Перестань, это никуда не годится.

Го Цзя, войдя в азарт, продолжал осыпать его поцелуями. Сюнь Юй начал всерьёз вырваться:

— Го Фэнсяо!

— Тсс... Неужели Вэньжо хочет, чтобы сюда сбежались все слуги? — Го Цзя зажал его запястья одной рукой и продолжил прерванное занятие.

Оказавшись в полной власти друга, Сюнь Юй кипел от гнева и страха, но не смел повысить голос.

— Фэнсяо, прошу, — голос его стал мягким и просящим. — Завтра господин созывает нас для совета, а ты... Ты вообще меня слушаешь?

— Слушаю-слушаю, но я так тебя хочу... — бросил Го Цзя, даже не думая останавливаться.

На мгновение воцарилась тишина, а затем Сюнь Юй рванулся с такой силой, будто от этого зависела его жизнь. Поняв, что перегнул палку, Го Цзя тут же замер.

— Ладно, ладно, я пошутил! Раз ты так устал, тогда...

— Ох... — тихий стон сорвался с губ Сюнь Юя, прервав его на полуслове.

— Вэньжо? Что с тобой?

Го Цзя не на шутку перепугался. Ему показалось, что он довел друга до слёз. Он быстро сел на кровати и коснулся лица Сюнь Юя, но кожа была сухой.

— Вэньжо, не пугай меня, что случилось?

— Ничего, — глухо отозвался тот. — Ты просто надавил мне на ногу. Больно.

Вспомнив о старом ранении Сюнь Юя, Го Цзя мгновенно преисполнился раскаяния. Он зажёл свечу у изголовья, собираясь осмотреть рану. Свет заставил Сюнь Юя зажмуриться. Увидев тревогу на лице друга, он невольно смягчился.

— Это старое клеймо, не стоит так волноваться.

Го Цзя осторожно коснулся потемневшего круглого шрама на голени.

— Должно быть, тогда это было невыносимо?

Сюнь Юй на мгновение задумался, стараясь вытеснить из памяти тот день, когда ему пришлось вырезать ножом куски плоти вокруг раны, чтобы вытащить зазубренный наконечник стрелы.

— Почти ничего не чувствовал, — улыбнулся он. — Только в самый миг попадания кольнуло, а потом — пустота.

Го Цзя знал характер друга слишком хорошо, чтобы поверить в эту ложь.

— А сейчас? Часто болит?

— Совсем немного. К дождю ноет, но это сущие пустяки. — Сюнь Юй на миг отвёл взгляд, и в его глазах промелькнула тень затаённой боли.

Го Цзя тяжело вздохнул, погасил свечу и снова забрался под одеяло, крепко обняв его.

— Забудь. Всё уже в прошлом. Спи.

Сюнь Юй уткнулся носом в его плечо и вскоре затих, погрузившись в глубокий сон.

Глядя на тени ветвей, пляшущие на окне, Го Цзя думал о том, что обязан помочь Вэньжо распутать этот узел в душе. Иначе эта рана в конце концов погубит его самого.

Наутро земля скрылась под плотным слоем снега. Го Цзя, спрятав руки в широкие рукава, неспешно шёл вслед за Сюнь Юем к главному залу. Цао Цао уже ждал их. Советники поклонились и заняли свои места.

Хозяин отложил бамбуковые дощечки и поднял взгляд:

— Юань Бэньчу прислал вызов. Намерения его ясны. Что скажете? Каковы наши шансы в этой схватке?

Друзья обменялись короткими взглядами. Го Цзя заговорил первым:

— Скажу без прикрас: эта война станет для вас тяжелейшим испытанием.

Цао Цао кивнул, постукивая пальцами по столу.

— Я понимаю. Силы Юань Шао огромны. В открытом бою нам не выстоять.

— Не совсем так, — возразил Го Цзя. — История знает немало битв, где малые силы сокрушали великие...

Его прервал Чэн Юй, который буквально влетел в зал, едва не сбив с ног стражу.

— Господин!

— Что случилось? — Цао Цао нахмурился. — Откуда такая спешка?

— Господин, до меня дошли слухи, что вчера вы отправили Чжу Лина и Лю Бэя на перехват Юань Шу?! — Чэн Юй едва переводил дыхание от волнения.

Го Цзя и Сюнь Юй замерли. В воздухе запахло бедой.

— Как вы могли отпустить Лю Бэя? — воскликнул Чэн Юй. — Даже если он сам вызвался, следовало обсудить это с нами!

— Господин Чэн прав, — подхватил Го Цзя, в упор глядя на Цао Цао. — После того как мы казнили Люй Бу в Сяпи, я предупреждал: за этим человеком нужен глаз да глаз. Как вы могли забыть? Мы не могли убить его, не запятнав своего имени, но и давать ему волю — безумие. Попомните моё слово: стоит Лю Бэю оказаться во главе войска, и он тут же обернётся против нас.

Цао Цао помрачнел, осознавая масштаб просчёта.

— Моя ошибка. Немедленно отправить погоню!

Не успел он закончить фразу, как Сюнь Юй, до того хранивший молчание, негромко произнёс:

— Не нужно. Уже поздно.

Он посмотрел на растерянного господина и добавил:

— Лю Бэй давно искал повод уйти. Теперь, когда в его руках войско, он не позволит себя поймать. Думаю, не пройдет и месяца, как он поднимет мятеж.

За окном кружила белая мгла, и небо над Уездом Сюй казалось свинцовым.

<http://bllate.org/book/17368/1695825>